

Карцев Роман

В.И. Д. Д. Д. Д.

- Роман Андреевич, в молодости вам не боязно было бросать хлебную профессию наладчика швейных машинок ради непредсказуемого артистического поприща?

- Нет, конечно. Сколько себя помню, всегда мечтал быть артистом. В детстве перебивал, как жетсы, во всех дворцах пионеров Одессы. После школы раз пять поступал в театральные институты. Не взяли. Нужно было как-то устраивать жизнь, вот я и освоил востребованную тогда профессию наладчика швейных машинок. В моем цеху было 80 девушек, которые целый день чего-то шили. Машинки ломались часто. В общем, работы хватало. Потом выучился на баковщика и занялся модельной обувью, которую, подозреваю, никто никогда не носил. Потому что я старался поскорее закончить работу, чтобы бежать на репетицию в народный театр «Парнас-2». Однажды гастролировавший в Одессе Райкин посмотрел наш спектакль «Я иду по улице» и пригласил меня в свой театр миниатюр. Я переехал в Ленинград, куда чуть позже переманил Милу Гвоздикова, Витю Ильченко и Мишу Жванецкого. Мы так вместе и держались - четверо одесситов.

- Вы начали выступать в дуэте с Виктором Ильченко, когда на советской эстраде буквально царил тандем Тарапунька и Штепсель (Юрий Тимошенко и Ефим Березин). Вас не пугала перспектива остаться в их тени?

- А Мария Миронова и Александр Менакер? А Лев Мирон и Марк Новицкий? А короли эстрады Аркадий Райкин, Виктор Чистяков?.. Тогда было много артистов разговорного жанра. И всем хватало и места под солнцем, и внимания зрителей. Тарапунька и Штепсель прославились как мастера парного концерта: резонер и его оппонент. Один, например, начинал: «Как ты мог, Тарапунька, так плохо думать о наших заводах и фабриках?» Другой защищался: «Нэ гавкай, Штепсель, наши заводы та фабрыкы ще не так добре працюють». И ха-ха-ха.

Хотя со временем и они стали делать эстрадные спектакли, наш дуэт все равно от них отличался. Мы никогда не играли концерт, заполняя собой, скажем, паузы между песнями, а всегда создавали театральное действие, продолжая традиции райкинской школы. И «Собрание на ликероводочном заводе», и «Наш человек на складе», и «Везучий и невезучий» - все это маленькие пески.

- Вы с Ильченко семь лет проработали в театре у Райкина. Говорят, что мэтр ревностно отнесся к тому, что в 70-м вы стали лауреатами Всероссийского конкурса артистов эстрады. И якобы это и явилось причиной вашего ухода от него...

- Мы отделились еще до того, как попали на конкурс. Не думаю, что Райкин ревновал. Он был настолько велик и неподражаем, что просто не мог кому-то завидовать. Кстати, Аркадий Исаакович собирался быть на том конкурсе председателем жюри, но не смог - у него начались неприятности с очередным спектаклем. У нашего дуэта уже был большой и сильный репертуар, который мы успели обкатать на публике. И на конкурсе мы буквально убили всех наповал.

- Райкин обиделся, когда вы из Ленинграда вернулись в Одессу?

- Это стало ошутимой потерей для его театра: у нас было много номеров и хорошие отношения с труппой. Но отделиться нам было необходимо. Мы хотели делать уже только свое. Райкин - классик. А у нас появились абстрактные, несколько отвлеченные миниатюры, такие, как «А вас?», «Кассир и кли-

ент», «Теория относительности». Это хоть и в том же жанре, но в другом стиле. Поэтому я думаю, что Аркадий Исаакович в любом случае скорее гордился нами, чем ругал. Мы никогда его не подводили, не опускались до пошлости и похабщины, а продолжали традиции его театра миниатюр, но со своей концепцией, автором и режиссерами. Это не эстрада в чистом виде, а ближе к драматическому театру. За вечер приходится играть по 20-30 мини-спектаклей, где есть все: лирика, комедия, трагедия и фарс.

Роман КАРЦЕВ:

ГРУСТЬ - ЭТО ВОЗРАСТНОЕ

Забить монолог про раков («вчера были большие по пять рублей, а сегодня по три, но маленькие») или про начальника транспортного цеха невозможно и складу ума, Карцеву не так давно было присуждено звание «Легенда Одессы». В кино он запомнился небольшими, но яркими ролями в фильмах «Волшебный голос Джельсомино», «Собачье сердце», «Биндюжник и король», «Небеса обетованные», «Предсказание», «Старые клячи»...

говорию о Вите. Конечно, мне тяжело без него. Но жизнь продолжается.

Мне всегда нравилось оставаться с публикой один на один. Когда однажды Витя сломал ногу и три месяца не мог выйти на сцену, я сделал моноспектакль «Шут гороховый» по Чехову, Зошенко, Шолом-Алейхему и Жванецкому. И успешно играл это несколько лет. Следующий опыт в этом направлении - моноспектакль «Моя Одесса» - Витя мне режиссировал из зала незадолго до своей смерти. Теперь я играю без него уже третий спектакль...

Сейчас я решил вернуться к Даниилу Хармсу. При том юморе, который у нас царит на телевидении, это похоже на самоубийство. Но я

доел, поскольку в поездках нужно придерживаться строгого распорядка. Подозреваю, Жванецкий никогда не был в пионерлагере. Он всегда жил сам по себе, никому не подчиняясь и никого не слушая. Но человек он действительно великий: умница, философ и настоящий драматург. И самое главное - хорошо знает наши сильные и слабые стороны. И вообще, встреча с Райкиным, Витей Ильченко и Мишей Жванецким - для меня большая удача. Эти люди определили всю мою жизнь.

- А телевизионщики вас не зовут к себе работать?

- Нет, они знают, что я не пойду. Приглашают лишь на всякие ток-шоу. Я дружу с телеканалом «Культура» еще со времен «Вокруг смеха» и скоро появлюсь там в передаче «Линия жизни». Она построена в форме свободного разговора приглашенного гостя-артиста с публикой. Это мне нравится. А вывлять «счастливчика» или опреде-

не теряю надежды, что этот спектакль в постановке Михаила Левицина найдет своего зрителя. Репетирую вместе с сыном. Он не профессиональный актер. До этого, правда, снимался в сериалах, однако на сцену еще не выходил. Ему пока сложно. Да еще Хармс. Это же высшая математика юмора. Боюсь, сегодня его тексты будут звучать странно. Мы всех заранее предупреждаем: спектакль для людей легкомысленных, серьезным у нас делать нечего.

- Вы как-то сказали, что у Михаила Жванецкого настроение меняется по 15 раз на день. И вы сами, судя по всему, человек с непростым характером. Как вам удается столько лет сосуществовать без ссор и скандалов?

- Мы с Мишей редко видимся. Шутка ли - 42 года вместе. Даже муж с женой после стольких лет совместной жизни стараются не попадаться друг другу на глаза. Однажды мы с ним оказались в одной каюте люк в морском круизе вокруг Европы. Мы так все устроили, что за 24 дня плавания ни он меня, ни я его не видел. Потом он пошутил: «Слушай, а где ты был целый месяц?» В жизни он веселый человек, но старайтесь попадаться ему на глаза только под хорошее настроение. В спектакль по его текстам «Моя Одесса» я вставил около получаса своих импровизаций. Когда он это услышал, то буквально взвился до потолка от негодования. Но потом сдался: «Ладно. Импровизируй».

Был период, когда Миша с нами ездил на гастроли и сам читал свои монологи со сцены. Но это ему на-

доедать «звено» мне не интересно.

- Почему вы не работаете с молодыми авторами?

- Так нет ни молодых, ни старых. Трушкин или Коклошкин - это совсем другое, это эстрада чистой воды. А мне нужен театр. Молодые сейчас рассказывают анекдоты, делают пародии, смешат публику клоунадой: кто платок повяжет, кто грудь намастит. Но личностей я не вижу. На мой взгляд, за последние сорок лет на эстраде появились только четыре великодушных мастера: Хазанов, Полунин, а среди авторов - Жванецкий и Задорнов. Все остальные - просто артисты.

- Значит, по-вашему, в разговорном жанре сейчас не о том шутят?

- Мы не шутим. У нас с Ильченко были монологи, где не было ни одной шутки, а публика хохотала. Вот в чем разница. О чем сейчас должны говорить сатирики с публикой? Да о чем угодно. Только странная штука: говорить можно обо всем, а сатиры у нас нет. Лучше откройте наугад любую книгу Салтыкова-Щедрина, и вы наверняка прочтете о том, что сейчас происходит в России.

- Вы можете объяснить, как в условиях советской власти можно было экранизировать самую антисоветскую повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце», где вы сыграли роль Швондера?

- Это заслуга режиссера Владимира Бортко. А Швондер и Шариков - фигуры мне хорошо знакомые. Это нарицательные типы. Они не вымрут никогда. Я столько их переживал в жизни и переиграл

в миниатюрах, что мне над ролью особенно и работать-то не пришлось. Сейчас снимаюсь у Бортко в сериале «Мастер и Маргарита», где играю Поплавского, дядю Берлиоза, который после гибели племянника приезжает из Киева «по квартирному вопросу». Уже сняли эпизоды, в которых мой герой поднимается по лестнице в ту самую «нехорошую» квартиру, где поселился Воланд со свитой. И как его оттуда вышвыривают. А скоро в павильоне мне предстоит сцена, в которой мой герой входит в квартиру и общается с этими ребятами.

- Не боитесь той чертовщины, которая, говорят, сопровождает всякие попытки перевести это произведение в формат другого жанра? Известно ли некоторые актеры, якобы отказались от предложенных им ролей...

- Действительно были такие случаи. Но я считаю, что глупо отказываться от такого фильма. Это не чертовщина. Это великий роман потрясающего писателя, которого мое поколение, к сожалению, узнало слишком поздно. Помню, в 70-е я читал слепые машинописные листы «Собачье сердце» под одеялом. Боялся, что привлекут за распространение антисоветчины. И уж точно даже мечтать не мог, что когда-то там сыграю. Самые блестящие фильмы в истории кино были сделаны по романам «Унесенные ветром», «Граф Монте-Кристо», «Три мушкетера», «Война и мир», «Анна Каренина»... Все зависит от того, как снимут и как сыграют. Иногда на экране получается даже интересней, чем в книге. Не у всех читателей хватает фантазии домысливать пейзажи или костюмы. На экране же все видишь воочию.

Кино для меня - это удовольствие встречаться с интересными людьми. Сам процесс съемок - муторное дело. Целый день сидишь, маешься. Но, например, на фильмах Эльдара Рязанова мы вели долгие разговоры с Гафтом, Броневым, Ахеджаковой... С ними интересно. Я вам честно скажу, не могу общаться с эстрадными артистами. Они все время шутят или травят анекдоты. Беспорядочно. Профессия все-таки накладывает свой отпечаток на личность.

- Почему в исполняемых вами в последние годы миниатюрах звучит больше грусти, чем смеха? Тому есть личные причины?

- Личных причин нет. У меня хорошая жена Вика, отличные дети и внуки потрясающие. Наверное, грусть - это возрастное. К тому же в нашем репертуаре всегда были лирические вещи. Райкин в своих смешных спектаклях читал такие щемящие монологи, что публика в зале плакала. Жанр, в котором мы работаем, позволяет делать все.

- Что бы вы пожелали вашему зрителю?

- Что я могу пожелать? Во-первых, если я появляюсь, значит, сходить. Потому что сколько там мне осталось. А во-вторых, не терять чувства юмора. Одесситы, например, шутили в самые тяжелые времена: в войну, голод, революцию. Просто они так друг с другом разговаривают, они так живут. Это помогает. Если жестко уходить в себя, все время переживать или злиться - ни к чему хорошему это не приведет. Я за то, чтобы ввести в школах урок юмора. Пускай дети разыгрывают сценки, читают басни в лицах и кривляются. Чувство юмора можно пробудить. В старших классах, может быть, они дойдут до Зошенко или Жванецкого. Мне кажется, веселый человек не пойдет на убийство или какое-нибудь другое преступление.

Беседу вел Анатолий СТАРОДУБЦЕВ